

Домашнее задание по истории для групп 101 102 103 на период с 25 по 30 мая 2020 года.

Преподаватель Бурова Елена Васильевна. Адрес электронной почты преподавателя для отправления готового д/з: opra2@yandex.ru

Тема 106 Место СССР в послевоенном мире. Советский Союз и «сталинизация» стран «народной демократии».

Задание: ознакомьтесь с текстом и ответьте на вопрос: 1. Дайте понятие «сталинизация» стран «народной демократии»? Каковы были цели Сталина?

«Майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои». А народам Европы предстояло жить в условиях новой политической реальности. Очень скоро запахло серьезным конфликтом между вчерашними союзниками, на Западе начались разговоры о том, что Сталин готов проводить «политику салями», нарезая всё новые жирные куски от Европы. В реальности же, всё, конечно, обстояло не так. Вождь СССР всегда был поклонником в высшей степени реалистической политики, понимая, что главной его задачей является удержание достигнутого и восстановление разрушенной страны. А, между тем, коммунисты, оказавшиеся «по ту сторону» Советской армии не оставляли надежд на социалистическую революцию.

Еще всюду полыхала Вторая мировая война, когда Сталин встретился с лидером Французской компартии (ФКП) Морисом Торезом. Это произошло 19 ноября 1944 года. Тогда вождь мягко, но недвусмысленно покритиковал французских товарищей за неуместные амбиции и лихую браваду. Французские коммунисты тогда были «на коне», обоснованно гордясь своей авангардной ролью в сопротивлении нацизму. Они надеялись сохранить собственные вооруженные формирования, используя их потом в борьбе за революцию. Однако Сталин настоятельно посоветовал отдать оружие и заняться мирным строительством. По мнению вождя, следовало не допускать столкновений с Шарлем де Голлем и активно участвовать в восстановлении французской военной промышленности и вооруженных сил. Таким образом, ФКП быстрее и надёжнее завоюет сердца большинства французов, для которых самым главным событием стало обретение национальной независимости.

Авторитет Сталин был велик, и ФКП какое-то время держалась его указаний. Однако, «революционный» соблазн оказался слишком велик, и 4 мая 1947 года фракция коммунистов проголосовала в парламенте против политики правительства Поля Рамадье, в которое входили и представители самой компартии. Тогда премьер вполне логично обвинил коммунистов в нарушении принципа правительственной солидарности, после чего они потеряли важные министерские портфели и, соответственно, возможность непосредственно влиять на курс правительства. Сделано это хитренько, без какого-либо согласования с Кремлем. И, понятное дело, тот ответил «революционерам» раздраженной телеграммой А. А. Жданова: «Многие думают, что французские коммунисты согласовали свои действия с ЦК ВКП (б). Вы сами знаете, что это неверно, что для ЦК ВКП (б) предпринятые вами шаги явились полной неожиданностью». По этому поводу историк М. М. Наринский сделал следующий вывод: «В целом ставшие доступными документы подтверждают, что Сталин был деятелем геополитического мышления – территории, границы, сферы влияния, компартии стран Запада выступали для него как инструменты советской политики, как своеобразные и специфические участники разгоревшейся

«холодной войны». Ни о каком захвате ими власти вооруженным путем не было и речи». («И. В. Сталин и М. Торез. 1944-1947. Новые материалы»)

Французские и итальянские коммунисты разоружились, следуя настоятельным рекомендациям вождя. И это спасло их от кровавого столкновения с консервативными и националистическими силами, а также с англо-американцами, готовыми пойти на всё, что не допустить коммунистов на Запад Европы, за зону влияния, очерченную штыками Советской армии. А вот в Греции тамошняя Компартия переоценила свои силы и вступила в жёсткую конфронтацию с правыми, монархистами, пользующимися поддержкой США и Англии. А ведь они были представлены 6 министрами в правительстве и могли вести успешную мирную борьбу за власть и влияние (в КПГ состояло 430 тысяч членов). Сталин предостерегал коммунистов Греции от конфронтации с правительством. Но они настояли на своём, в результате чего им пришлось оказать поддержку, которая, впрочем, не помогла. Сначала правых поддержали английские вооруженные силы, находившиеся в Греции, а потом они были напрямую вооружены и подготовлены американцами. В 1945-1946 годах у коммунистов появилась возможность сложить оружие и принять участие во всеобщих выборах, но они, сначала согласившись, так и не пошли на это. Кровавая, затяжная война закончилась поражением Демократической армии Греции (ДАГ), а сама страна прочно очутилась в орбите США и НАТО, причем не было легальной силы, которая могла бы этому противостоять – коммунистов разгромили и запретили. Амбиции же у них были ещё те. В 1947 году генсек КПГ Никос Захариадис писал Сталину, что когда ДАГ победит, то в Греции будет правительство национального единства, независимое и от Кремля, и от Лондона.

Совершенно реалистическую политику Сталин вёл и в отношении Германии. Вождь был готов отказаться от идеи строительства социализма в восточной зоне оккупации (будущей ГДР) и предложил Западу создать единую и нейтральную Германию (таковой, для примера, была послевоенная Финляндия). В марте-апреле 1947 года на встрече четырех министров иностранных дел (СССР, США, Англии, Франции) В. М. Молотов показал себя решительным поборником сохранения единства Германии. Он даже предложил сделать основой ее государственного строительства положения конституции Веймарской республики, что свидетельствует об отсутствии хоть какого-то идеократического подхода к решению «германского вопроса».

Сталин настоятельно советовал коммунистам Западной Германии отказаться от слова «коммунистическая» в названии своей партии и пойти на объединение с социал-демократам. И это при том, что вождь очень и очень не любил социал-демократию во всех её проявлениях. В странах Восточной Европы коммунисты тоже объединились с социал-демократами, но это объединение было направлено на то, чтобы обеспечить преобладание самим коммунистам. А в Западной Германии, контролируемой капиталистическими странами, коммунисты были гораздо слабее социал-демократов, и объединение могло привести к совершенно непредсказуемым результатам. И, тем не менее, Сталин готов был рискнуть западногерманской компартией ради объединения германских земель. (Показательно, что в западных зонах оккупации тамошние власти запретили коммунистам менять свое название. Они даже запрещали совместные мероприятия коммунистов и социал-демократов.)

Сталин, напротив, допускал возможность возобновления деятельности социал-демократов в Восточной Германии – как самостоятельной силы. Ранее произошло слияние коммунистов и социал-демократов в одну, Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ). Но уже 30 января 1947 года на встрече с лидерами СЕПГ Сталин предложил обдумать идею воссоздания Социал-демократической партии, не разрушая, в то же время,

СЕПГ. Этим он рассчитывал укрепить доверие немцев, многие из которых по-прежнему продолжали разделять идеи социал-демократов. На удивленный вопрос лидеров СЕПГ о том, как же удастся сохранить единство их партии, Сталин резонно посоветовал больше внимания уделять пропаганде и агитации. Порой Сталин вынужден был сдерживать левацкие загибы, присущие части лидеров СЕПГ. В руководстве этой партии многие руководители не хотели воссоединяться с Западной Германией, понимая, что после объединения их власть будет сильно ограничена. Весной 1947 года заместитель председателя СЕПГ Вальтер Ульбрихт высказался против того, чтобы участвовать в общегерманском совещании министров-президентов всех немецких земель. Пришлось снова выступить с рекомендациями – в пользу участия.

Сталин спустил на тормозах коммунизацию Финляндии, угроза которой была вполне себе реальной. Тамошние коммунисты заняли ряд ключевых постов, в том числе и пост министра внутренних дел, и уже начинали подумывать над захватом власти во всей её полноте. Но из Москвы пришла очередная сдерживающая рекомендация - прекратить «революционную активность».

Сталин далеко не сразу пошел на установление именно коммунистических режимов в странах Восточной Европы. Вначале он считал, что там возникнет особый тип демократии, которая бы отличалась как от советской, так и от западных моделей. Сталин надеялся, что социалистические преобразования в этих странах пройдут без ликвидации средних и мелких собственников. В мае 1946 на встрече с польскими лидерами вождь сказал: «Строй, установленный в Польше, это демократия, это новый тип демократии. Он не имеет прецедента. Ни бельгийская, ни английская, ни французская демократия не могут братья вами в качестве примера и образца... Демократия, которая установилась у вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, это демократия, которая приближает вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя... Вам не нужна диктатура пролетариата потому, что в нынешних условиях, когда крупная промышленность национализирована и с политической арены исчезли классы крупных капиталистов и помещиков, достаточно создать соответствующий режим в промышленности, поднять ее, снизить цены и дать населению больше товаров широкого потребления...» Сталин был уверен, что демократия может стать народной, национальной и социальной тогда, тогда, когда будет устранена крупнейшая буржуазия, превращающая «свободные выборы» в фарс, основанный на подкупе политиков и избирателей.

Однако Запад пошёл на конфронтацию с СССР, а многие несоциалистические политики Восточной Европы выбрали сугубо прозападную ориентацию. Это и подвигло Сталина на установление монополии коммунистических партий. К тому же, нашлось множество любителей подтолкнуть советское руководство к ужесточению политики. Так, лидер венгерских коммунистов Матяш Ракоши в апреле 1947 года рассказывал Молотову об очередном раскрытом «заговоре контрреволюционеров» и при этом сетовал: «Жалко, что у заговорщиков не оказалось складов с оружием, тогда могли их крепче разоблачить... Мы хотим разгромить реакцию и снова поставить вопрос о заговоре. Сейчас нам известно более 1500 фашистов... Это – расисты, профессора, представители интеллигенции. Мы должны их удалить». Показательно, что сам Молотов пытался образумить Ракоши, выражая скепсис в отношении его левачества: «Значит, большая часть венгерской интеллигенции замешана в заговоре? Если вы пойдете против всей венгерской интеллигенции, вам будет трудно».

Ужесточению позиции Сталина способствовал и курс на «независимость», взятый некоторыми коммунистическими лидерами Восточной Европы. На первом месте здесь, конечно, был Иосип Броз Тито, сумевший оторвать Югославию от СССР. Причем, что

характерно, на первых порах лидер югославских коммунистов всячески выставлял себя убежденным ленинцем и сторонником немедленной большевизации Югославии. Так, уже в 1945 году им было заявлено о том, что страна «крепко шагает по пути социалистического развития». К 1946 году все некоммунистические партии были запрещены или же перешли под полный контроль коммунистов. А высокопоставленный функционер Компартии Б. Зихерл уверял: «Слово «партия» в Югославии имеет то же самое значение, как и в СССР: народ в нем подразумевает исключительно только компартию. Компартия крепко держит в руках все командные позиции в армии, в аппарате государственной безопасности, в аппарате народного хозяйства, в профсоюзах и других массовых организациях... Рано или поздно придется перешагнуть этап Народного фронта и заняться созданием единой партии трудящихся...». Это уже потом Тито попытается создать модель самоуправляемого социализма и ввести элементы рыночной экономики. Но вначале он вёл себя как твердолобый фанатик. Кстати, во время начала дискуссии с Москвой, приведшей к разрыву, югославские коммунисты-титоиисты всячески ругали СССР за возрождение «великодержавного русского шовинизма». (Особенный их гнев вызвало празднование 800-летия основания Москвы.) Хотя, конечно, главной причиной разрыва было стремление югославского лидера к максимальной независимости от Кремля.

Свои «Тито», пусть масштабом поменьше, были и в других восточноевропейских странах «народной демократии». Взять, к примеру, генсека ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Владислава Гомулку. После войны он всячески сопротивлялся демонтажу промышленных предприятий из тех районов, которые отошли к Польше после Потсдамских соглашений. А ведь именно СССР настоял на их передаче! Кроме того, Гомулка был категорически против создания хоть каких-то органов, координирующих деятельность компартий. Сталин же как раз такой орган (Коминформ) и задумал создать – разумеется, далеко не в таких масштабах, как распущенный еще в 1943 году Коминтерн.

Много крови попортил советскому руководству и заместитель председателя Совета министров Болгарии Тодор Костов. Так, во время торговых переговоров с СССР он категорически отказывался сообщить себестоимость цен на болгарские продукты, имея явное желание просто-напросто надуть советских товарищей. А венгерский министр внутренних дел Ласло Райк всячески спорил с Москвой, симпатизировал Тито и даже вёл тайные переговоры со своим югославским коллегой Александром Ранковичем.

Фронта коммунистов-независимцев грозила перерасти в открытый бунт против Москвы - по югославскому сценарию. Допустить этого было никак нельзя, пришлось «зачищать» фрондёров, что было достаточно трудно ввиду их популярности. И тут Сталину неожиданно помог гений американской разведки Аллен Даллес, предложивший руководству США дискредитировать коммунистов-независимцев. Он полагал, что устранение популярных лидеров вызовет недовольство масс и коммунистические режимы будут ослаблены. Его послушали, и на Гомулку, Райка и Костова был вброшен компромат, для чего американцы использовали завербованного ими полковника польской госбезопасности Йозефа Святло. Именно он и сообщил «кому надо» (точнее, Л. П. Берия) о крупном международном заговоре, в котором якобы участвуют независимцы и который возглавляет американец Ноэль Филд. За эту «дезу» радостно ухватились, и она очень помогла в «зачистке» независимцев, которые лишились своих постов, были исключены из партии и репрессированы. Казалось бы, план Даллеса осуществился, но привело это к обратному эффекту, коммунистические режимы стали более монолитными и просоветскими. (Подробнее в кн. С. Стивена. «Операция «Раскол»)

Сама коммунизация Восточной Европы происходила по-разному, хотя итог был один – установление политической монополии компартий. Принято считать, что этого им

удалось достигнуть только при поддержке Москвы. Действительно, «кремлевский» фактор был очень важен, спорить здесь не приходится. Однако, очень многое значила и способность коммунистических функционеров мобилизовать широкие массы в свою поддержку – без этого установление новой власти могло бы произойти только в режиме военной операции, со всеми вытекающими последствиями. Весьма показателен в этом отношении опыт Чехословакии, где коммунисты и союзные им левые социал-демократы составляли правительственное меньшинство до февраля 1948 года, хотя премьер-министром был коммунист Клемент Готвальд. (А президентом являлся Эдвард Бенеш, выступавший против коммунизации.) Противники коммунистов из Национально-социалистической, Народной и Словацкой демократической партий вознамерились покинуть правительство с тем, чтобы оно ушло в отставку. Тогда можно было сформировать новый кабинет, уже без коммуниста Готвальда во главе. В ответ коммунисты и левые социал-демократы организовали мощные выступления рабочих по всей стране, организованные как партийными ячейками, так и фабричными советами. Апофеозом этой демонстрации политической мощи стала всеобщая забастовка, в которой участвовало 2, 5 млн. рабочих и служащих. Правые социал-демократы испугались потерять свои позиции в рабочем движении и отказались выходить из правительства. А выход меньшинства министров уже вовсе не требовал обязательного создания нового кабинета. Таким образом, инициатива перешла к коммунистам, вскоре выкинувших своих противников из правительства.

Еще более трудным было овладение властью в Венгрии. На выборах в ноябре 1945 года победу там одержала «кулацкая» Партия мелких сельских хозяев (ПМСХ), лидер которой (З. Тилди) и возглавил правительство. Коммунисты получили всего четыре министерских портфеля, хотя в их руки перешли важные министерства (в том числе, и МВД). ПСМХ имела на руках все козыри, но тут её лидеры допустили большую ошибку, заявив о необходимости возврата 30 % земель, ранее конфискованных у помещиков. Коммунисты умело сыграли на этом, развернув мощное движение протеста, сопровождаемое массовыми (до 400 тысяч участников) митингами и шествиями. После этого значительная часть крестьянства и даже самой ПСМХ повернулась в сторону коммунистов. Одновременно Венгерская компартия (ВКП) развернула широкое движение за национализацию промышленности. И теперь инициатива перешла уже к ней.

Из песни слов не выкинешь, во время социалистического строительства многое было бездумно скопировано у СССР (особенно болезненно этот процесс происходил в Венгрии, что вылилось в мощное восстание 1956 года). Однако, страны Восточной Европы сохраняли свою специфику. В ГДР, Польше, Чехословакии и Болгарии существовала (пусть и под руководством коммунистов) многопартийная система. Кстати, в польском парламенте (сейме) в 1955-1980 годах заседала оппозиционная депутатская группа «Знак» (католики).

Функционировал достаточно обширный частный сектор. В той же самой Польше в коллективных хозяйствах состояло незначительное меньшинство, а крестьяне продолжали вести частное хозяйство. В ГДР долгое время допускалось существование средних и мелких частных предприятий. И только в 1972 году они, в большинстве своём (11 тысяч), были выкуплены государством, причём их бывшие владельцы стали директорами.

Имела место быть и политическая специфика. И здесь особенно интересно затронуть историю Румынии времён Николае Чаушеску, которого считают жёстким диктатором, гонителем свобод и проч. Однако мало кто знает, что при этом «тиране» оказались проведены довольно-таки существенные преобразования, до которых было далеко большинству стран социалистического лагеря. Много пишут о рабочем самоуправлении, которое ввёл Тито в Югославии, но его ввели и при Чаушеску. Советы трудящихся, опирающиеся на собрания трудовых коллективов, играли важнейшую роль в деятельности

румынских предприятий. В стране был создан Высший совет социально-экономического развития, куда входили партийные и государственные деятели, выдающиеся учёные, представители рабочих коллективов. Именно этот совет и осуществлял составление пяти - и годовых планов, представлял свои заключения и прогнозы руководству. Кроме того, действовал Центральный совет рабочего контроля, председатель которого одновременно являлся секретарём ЦК Румынской компартии (РКП). На местах действовали и местные комитеты, осуществляющие контроль трудящихся. Большое внимание уделялось соревновательности на выборах. За одно место в Великом народном собрании и народных Советах боролось несколько кандидатур.

Было бы неправильным идеализировать строительство социалистической Европы, начатое при Сталине. Но также неправильно и мазать его черной краской, сводя все к насилию и догматизму. После войны в Восточной Европе было создано уникальное образование, нечто вроде особой цивилизации. И крайне важно тщательнейшим образом исследовать опыт его создания - со всех сторон.

Тема 107 Практическое занятие №28: XX съезд КПСС его значение.

Задание: 1. Просмотрите видеоурок по ссылке:

<https://www.youtube.com/watch?v=B9KULkNncbc>

2. Ответьте на вопросы: Какое событие произошло на этом съезде? Какое значение оно имело для последующей истории Советского Союза?